

– Вы поклянетесь мне в этом, – спросил король, – своей душою?

– Да, сэра, – отвечал сэра Борс, – в этом и вы и она можете на меня положиться. Но если объявится лучший рыцарь, тогда сражаться будет он.

Тут король и королева весьма возрадовались и простились с ним, благодаря его всем сердцем.

А сэра Борс вскоре тайно отъехал со двора и прискакал туда, где сэра Ланселот находился у отшельника Брастиаса, и поведал ему обо всем, что произошло.

– Ах, Иисусе, – сказал сэра Ланселот, – все складывается именно так, как мне бы и хотелось. И потому прешу вас, приготовьтесь к поединку и выезжайте на луг, но смотрите помедлите подольше и не начинайте, покуда не увидите, что еду я. Ибо я полагаю, что сэра Мадор горяч во гневе, и чем дольше вы промешкаете, тем сильнее он будет рваться в бой.

– Сэра, – сказал сэра Борс, – предоставьте его мне. И не сомневайтесь, я все исполню по вашей воле.

С тем сэра Борс от него уехал и возвратился ко двору. Между тем при дворе прослышали о том, что сэра Борс будет биться в защиту королевы, и многие рыцари были за то на него сердиты, ибо без малого все рыцари при дворе полагали королеву неправой и повинной в предательстве. И сэра Борс так отвечал своим товарищам по Круглому Столу:

– Знайте же, любезные лорды, что нам всем был бы великий позор, если бы мы допустили, чтобы благороднейшая в мире королева была так опозорена перед всеми, ведь ее супруг, наш король, – муж величайшей славы в христианском мире, и он прославил нас всех по всему белому свету.

Но многие из них сказали ему в ответ:

– Что до нашего благороднейшего короля Артура, мы любим и почитаем его не меньше, нежели вы, но что до королевы Гвиневеры, ее мы не любим, ибо она – погубительница добрых рыцарей.

– Любезные лорды, – отвечал сэра Борс, – сдается мне, вы говорите не то, что вам следует говорить, ибо за всю мою жизнь я не знал и не слышал, чтобы ее называли погубительницей добрых рыцарей, но всегда, сколько я помню, она почиталась покровительницей всех добрых рыцарей, и не было дамы щедрее ее на дары и на милости среди тех, кого я знаю или о ком слышал. И потому позор был бы всем нам, допусти мы, чтобы супруга нашего благороднейшего короля, которой мы обязаны верной службой, умерла бы позорной смертью. И знайте, – сказал сэра Борс, – я этого не допущу, ибо могу вам сказать: королева не виновна в смерти сэра Патриса, ведь она никогда не питала к нему зла, да и ни к кому из двадцати четырех рыцарей, которых пригласила на обед. Она звала нас по любви, а не из злого побуждения. И вскоре, не сомневаюсь, все будет раскрыто, ибо, как бы ни обернулось дело, меж нами все же было предательство.

Тогда сказал кто-то Борсу:

– Мы верим вашим речам.

И с тем иные остались удовлетворены, иные же нет.

6

И побежало время быстро, и настал наконец канун того дня, на который назначен был поединок. Королева послала за сэром Борсом и спросила его, каковы его намерения.

– Право же, госпожа, – он отвечал, – мои намерения те же, что и были, когда я давал вам обещание: я не откажусь за вас сразиться, если только не объявится лучший рыцарь, нежели я, который захочет вступить в этот поединок. На тот случай, госпожа, я должен быть освобожден вами от моего обещания.

– Вы желаете, – спросила королева, – чтобы я так и передала супругу моему, королю?

– Поступайте, как вам будет угодно, госпожа. Тогда королева пришла к королю и передала ему ответ сэра Борса.

– Что ж, – сказал король, – в сэре Борсе вы не сомневайтесь, ибо его я считаю одним из благороднейших рыцарей среди ныне живущих и превосходнейшим из мужей.

Так подошло утро, и вот король и королева и все рыцари, находившиеся в то время при дворе, собрались на лугу близ Винчестера, где назначен был поединок. Когда явились туда король с королевой и многие рыцари Круглого Стола, тогда отдана была королева под стражу, и вокруг же-